

Оставшиеся дни первого семестра старшей школы для Се Хуайде пролетели словно на ускоренной, но при этом размытой видеозаписи. Между ним и Сюй Чжися сохранялось странное, хрупкое равновесие.

Никаких разговоров, никаких конфликтов и почти никаких нарочито создаваемых резких движений.

Они просто сидели за последней партой у окна: один погружался в море книг и олимпиадных задач, а второй большую часть времени лежал лицом на столе, то ли засыпая, то ли бодрствуя, и лишь изредка поднимал взгляд на заснеженный пейзаж за стеклом с совершенно пустым выражением в глазах.

Иногда Се Хуайде чувствовал, как на него падает взгляд Сюй Чжися — очень короткий, лишённый каких-либо эмоций, словно луч сканера, который тут же отводили в сторону.

Ему было лень разбираться в том, что скрывалось за этим взглядом, и уже не хватало сил поддерживать прежнюю острую враждебность. Истощение, исходившее будто из самого костного мозга, густело с каждым днем, окутывая его, словно зимний смог.

В памяти всё еще случались короткие провалы, сопровождавшиеся легким головокружением и звоном в ушах. Он уже привык к этому, но каждый раз после очередного приступа какой-то уголок его души становился еще на каплю холоднее. Коробочка с обезболивающим, которую он прятал у ножки парты, в какой-то момент исчезла — возможно, её забрал Сюй Чжися, а может, выбросили дежурные во время уборки. Се Хуайде не стал спрашивать и даже не обратил особого внимания.

Так тянулось до самого конца финальных экзаменов, пока официально не начались зимние каникулы.

Семья Се Хуайде жила в центре города в элитном жилом комплексе со строгим управлением. Двухуровневая квартира на верхнем этаже была оформлена в современном лаконичном стиле: в серо-белых тонах, просторная и залитая светом, но в то же время лишённая тепла человеческого жилья, напоминая изысканный выставочный макет.

В первый день каникул Се Хуайде проспал почти до самого полудня. Натянув мягкий серый домашний костюм и шлепая тапочками, он спустился по лестнице.

Мать в фартуке хлопотала на кухне открытого типа, воздух был напоен ароматом наваристого супа. Отец сидел на диване в гостиной и, надев очки, просматривал финансовые новости на планшете. Услышав шаги, он поднял голову, и за линзами очков мелькнул мягкий взгляд:

— Проснулся? Как спал?

— Нормально, — невнятно отозвался Се Хуайде, голос его еще звучал со сна и был слегка хриплым. Он подошел к обеденному столу, отодвинул стул и сел.

Мать подошла, неся перед собой пиалу с дымящейся пшеничной кашей и тарелку с золотистыми яичными блинчиками, и бережно поставила перед ним:

— Сначала выпей немного каши, согрей желудок. Что бы ты хотел на обед? Мама приготовит.

— Всё равно, — Се Хуайде взял ложку и принялся медленно мешать кашу в пиале. Аромат риса смешался с поднимающимся от еды горячим паром.

— Тогда приготовлю твою любимую свинину в кисло-сладком соусе, сделаю рыбу на пару и обжарю зелень, хорошо? — мать сняла фартук и села напротив, наблюдая, как он ест, а в её взгляде читались нескрываемая забота и нежность.

Матнув головой, Се Хуайде уткнулся взглядом в пиалу, избегая этого слишком пристального внимания.

Отец тоже отложил планшет, подошел, сел рядом с матерью и между делом поинтересовался:

— Как ощущения от экзаменов? Не переживай сильно, главное — выложился по полной.

Рука Се Хуайде, державшая ложку, едва заметно дрогнула. Экзамены... Память была туманной, он помнил лишь шуршание грифелей по бумаге в тишине экзаменационного класса и накатывавшие время от времени знакомые приступы головокружения. Чтобы вспомнить, какие именно предметы он сдавал, требовалось немало усилий.

— Нормально, — выдал он уклончивый ответ.

Родители переглянулись, в их глазах мелькнула едва уловимая тревога, но они тут же постарались скрыть её. Отец улыбнулся и сменил тему:

— Какие планы на каникулы? Хочешь куда-нибудь съездить? Или запишем тебя на какой-нибудь кружок по интересам?

— Неохота куда двигаться, — Се Хуайде опустил ложку, съев едва ли полпиалы каши. — Побуду дома.

— И правильно, отдохни дома, — тут же подхватила мать. — Захочешь — поиграй в видеоигры, фильм посмотри, только не сиди постоянно взаперти в комнате.

— Угу, я наелся, поднимусь наверх, — бросил Се Хуайде, оставив кашу недоеденной, и снова шаркающей походкой побрел в свою комнату на втором этаже.

Добравшись до двери, он толкнул её.

Комната была просторной, с собственной ванной комнатой и маленьким балконом. Всё содержалось в идеальном порядке: на книжных полках стояли модели машин и книги, которые редко открывали, а игровая приставка была подключена к большому настенному телевизору.

Се Хуайде бесцельно покрутился по комнате и наконец опустился на стул за письменным столом. Поверхность была абсолютно чистой, кроме стакана для ручек, на ней ничего не лежало. Выдвинув ящик, он обнаружил внутри несколько новеньких тетрадей для упражнений и плотную стопку разноцветной бумаги.

Он уставился на эту бумагу, его пальцы на мгновение замерли над ней, но в конце концов он так ничего и не достал. Задвинув ящик обратно, он запер его.

Всю первую половину дня он пролежал полусидя в изголовье кровати, тупо глядя в экран телефона и играя в игры. Свет экрана падал на его бесстрастное лицо, а пальцы механически совершали одни и те же движения. Время от времени он замирал, невидящим взглядом уставившись на затянутое серым тучами небо за окном или в какой-нибудь угол комнаты, и мог так просидеть очень долго.

Мать заглядывала к нему один раз, принесла тарелку нарезанных фруктов и тихонько спросила, не хочет ли он прогуляться с ними по территории комплекса. Он покачал головой.

Больше мать расспрашивать не стала, лишь мягко провела рукой по его волосам и прошептала:

— Тогда мама не будет тебе мешать, если что-то понадобится — зови.

Дверь за ней бесшумно закрылась.

Се Хуайде отложил телефон: персонаж в игре уже погиб, потому что им никто не управлял. Он лег навзничь, уставившись в потолок. В комнате царила тишина, лишь изредка доносился едва уловимый гул центрального кондиционера. Подобная забота и беззаботная обстановка должны были дарить покой. Но для него они казались отделенными невидимой прозрачной пленкой: он видел чужое тепло и свет снаружи, но чувствовал, что дотронуться до них не в силах.

Холодная, пустая пустота на самом дне его сердца вовсе не собиралась оттаивать от возвращения в привычную обстановку. Напротив, в этой праздной тишине она проступала еще отчетливее.

Симптомы забывчивости дома, казалось, немного отступили — возможно, из-за однообразия

обстановки и меньшего количества внешних раздражителей. Однако преследовавшая его по пятам усталость и временами наваливавшаяся без всякой видимой причины хандра никуда не делись.

За ужином родители старались поддерживать непринужденную беседу: рассказывали забавные случаи на работе, делились новостями о родственниках. Се Хуайде по большей части просто слушал, изредка глухо отзываясь. Он знал, что родители изо всех сил пытаются создать теплую атмосферу, и сам хотел поддержать их старания, но тело словно налило свинцом, и даже чтобы приподнять уголки губ, требовалось немало усилий.

— Сяо-де, — мать положила ему в тарелку кусочек ребрышек, говоря с заметной осторожностью. — Если... если в школе тебе что-то не нравится или... если тебя что-то беспокоит со здоровьем, обязательно скажи папе с мамой, хорошо?

Се Хуайде замедлил движения челюстей. Он опустил голову, глядя на блестящий от жира кусок мяса в пиале, и в груди словно кольнуло чем-то острым.

Он знал, что родительская любовь была настоящей, и их тревога тоже была неподдельной. Но эта невыразимая болезнь лежала между ними непреодолимой пропастью.

— Я знаю, — глухо отозвался он, пряча голос в пиале. — Всё в порядке.

Отец налил ему супа и заговорил обычным тоном:

— Скоро каникулы, забудь ты про эту учебу. Расслабься как следует.

— Угу.

Позднее, после душа, Се Хуайде стоял перед зеркалом в ванной. Лицо отражения было бледным, под глазами залегли темные круги, а во взгляде читалась неискоренимая усталость. Он поднял руку и с силой провел ладонью по лицу, капли воды заскользили вниз по линии подбородка.

Вернувшись в комнату, верхний свет он включать не стал, оставив лишь прикроватный ночник с мягким желтоватым светом. Лёжа на постели, он широко открытыми глазами смотрел в полумрак потолка.

Зимние каникулы только начались.

Он понимал, что эта зима будет долгой и тихой — укутанной в заботу, но всё равно не способной разогнать холод в его душе. А тот молчаливый сосед по парте, оставшийся где-то далеко, в эти дни казался бесконечно далеким, превратившись лишь в расплывчатый силуэт с резкими чертами, который изредка промелькнет в его опустошенных мыслях.

<http://bllate.org/book/21841/2264371>